

МЕСТОРАЗВИТИЕ В ПОГРАНИЧНОЙ (ЕВРАЗИЙСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ

Современная жизнь с обострившимися проблемами глобализации и индивидуализации общества вновь в центр внимания вывела идею цивилизации. При этом смысл, который культура западного мира вкладывает в слово «цивилизация» по прошествии многих столетий (считается, что цивилизация — это изобретение XV века, а само слово «цивилизация» появилось во Франции в XVIII веке), как и прежде, остается неясным [1, 8, 15].

Между тем сегодня вряд ли можно игнорировать тот факт, что история человечества насчитывает множество разнообразных цивилизаций. Другое дело, различие мнений о том, сколько таких цивилизаций (Н. Я. Данилевский — 11, О. Шпенглер — 8, А. Тойнби начал исследование со 100, а закончил 13) или какова продолжительность их существования (О. Шпенглер и А. Тойнби — около 1000 лет, Л. Н. Гумилев — 1500 лет, Кетле — 185 лет) [2, 7].

Понятие цивилизации в Европе долгое время использовали в плане различий, существующих между народами, и лишь теперь цивилизация стала категорией, отражающей единство народов Европы, общность их ценностей. Отсюда всеобщее распространение термина «европейская цивилизация».

Рассматривая специфику европейской цивилизации, Ш. Эйзенштадт выделяет такие ее характеристики: 1) многообразие традиций, на основе которых сложилась европейская культура, в частности иудейско-христианских, греческих, римских, различных племенных; 2) высокий уровень активности и приверженность широких слоев населения наличным культурным тенденциям; 3) высокая степень доступа к мировому, культурному и социальному порядку; 4) отношение к индивиду как ответственному и автономному субъекту; 5) символическая и организационная выделенность центра; 6) высокая привязанность центра и периферии общим идеалам и целям [3, 328–330].

При этом, определяя специфические черты европейской цивилизации, Ш. Эйзенштадт указывает на относительную автономию правовой системы в связи с политической и религиозной системами [3, 333].

Известный специалист по теории цивилизаций Р. Осборн изменение взглядов на цивилизацию связывает, во-первых, с таким пороком европейской цивилизации, как формирование культуры милитаризма, выраженного в менталитете европейцев и приведшего к двум мировым войнам; во-вторых, с утратой веры в идею прогресса, связанную с пониманием иллюзорной природы человеческих достижений; в-третьих, с кризисом общественных институтов, которые должны служить опорой ценностей западного мира [1, 20–28].

В этой связи может ли по-прежнему восприниматься европейская или же евроатлантическая цивилизации как образцы, которым должен следовать весь мир? Особенно в условиях, когда впервые за несколько поколений будущее пред-

ставляется чреватым чем-то худшим, нежели прошлое. Причем на фоне того, что вера в возможность разумного переустройства мира к всеобщему благу оказалась основанием каждой пережитой социумом антропогенной катастрофы.

Потому признание плюрализма современных цивилизаций с правом каждой из них на самостоятельное развитие подтверждает необходимость культурного разнообразия современного мира, несмотря на формирование глобальной культуры, которая по своему происхождению и содержанию является американской и порождает так называемые альтернативные глобализации, означающие альтернативные культурные модели современности [4, 9, 19–20].

Утверждающаяся многоцивилизационная (полицивилизационная) система современности приводит к тому, что рожденное Западом внутрицивилизационное столкновение политических идей вытесняется разноцивилизационным столкновением культур и религий. Кроме того, по мере того как мир цивилизаций выходит из западной фазы развития под влиянием европейской цивилизации, идеологии как ее порождения приходят в упадок и их место замещают религии [5, 524–515].

Как отмечает И. Б. Орлова, основу цивилизации составляют такие системообразующие связи: пространственные, простирающиеся на особенностях природной среды; временные — формирующие общности исторического бытия, культуры и языка; социально-психологические, формирующие ценности, нормативные механизмы, менталитет, осознание общности, обеспечивающие самоидентификацию людей [6, 25]. При этом универсальным признаком (индикатором), свойственным всем цивилизациям, является самоидентификация индивида. Между тем эта самоидентификация индивида непосредственно вытекает из месторазвития, которое преобладает над началом «генетической близости» [7, 262].

Характерно, что наше месторазвитие (П. Н. Савицкий) исторически задано и не дает нам выбора, т.к. его социально-историческая среда и занятая территория, в частности Украины, реально существует, потому-то постановка вопроса о европейском выборе является иллюзорной. Иными словами, месторазвитие изменить невозможно. Следовательно, нужно ясно представить свою культурную и цивилизационную принадлежность для того, чтобы, во-первых, не питать иллюзий по поводу возможности изменения месторазвития, и, во-вторых, хранить свое месторазвитие в его религиозных, культурных, экономических, политических, правовых и др. особенностях.

Сегодня идея «месторазвития» получила подтверждение в возникновении экологической истории. В ее рамках американский ученый Дж. Даймонд убедительно показал, как география, топография, климат, океанские течения и рисунок береговой линии влияют на развитие разных обществ не в принципе, а самым конкретным образом. Согласно этому подходу европейцам просто повезло оказаться в месте, способствовавшем развитию технологий, на основе которых они затем смогли покорить остальной мир [1, 19].

Использование категории «месторазвитие» дает возможность в полной мере использовать географические и исторические начала существования современ-

ной Украины. Как справедливо замечал П. Н. Савицкий, если культура есть принадлежность месторазвития, то каждая социальная среда, проявляющаяся в пределах данного месторазвития, может испытывать на себе влияние этого месторазвития и со своей стороны приспособливаться к себе и сливаться с ним. К примеру, «китаизация» народов, проникших в китайское месторазвитие, «египтизация» пришельцев в Египет, «романизация» германцев, проникших к латинянам и др. [7, 265].

В этой связи может быть рассмотрена проблематика «украинизации» как влияние украинского месторазвития на народы, оказавшиеся в пространстве этого месторазвития. Своеобразие украинского месторазвития носит специфический характер, отличает его как от романо-германского месторазвития, с одной стороны, так и от российского месторазвития — с другой. В то же время совершенно определенно можно констатировать культурную близость Украины и России, которая как раз и выводит на их принадлежность к одной цивилизации, часто именуемой евразийской.

Для этой цивилизации характерна цивилизационная идентичность, которая базируется во многом на конфессиональной основе, связанной с великой письменной традицией Ветхого и Нового Завета, объединяющего этносы в едином сакральном пространстве [8, 8].

Потому не должен вызывать сомнений ответ на вопрос обладает ли Украина особой цивилизационной идентичностью или должна приобретать ее применительно к европейской цивилизации. Подчеркнем, что цивилизационная идентичность Украины — это ее право быть непохожей на западную Европу в силу обладания своим наследием и традицией, целью и призванием, ментальностью и судьбой.

При этом каждый человек в процессе создания собственного образа знакомого цивилизационного пространства проходит через процесс различения и называния знакомого, понятного, освоенного от остального чужого, путем наделения каждой вещи освоенного мира собственным именем. И тогда наделенное именем становится своим, близким, понятным, предсказуемым, а ненаименованное выступает как чужое, неопределенное, хаотичное. Справедливо замечено, что человеческое стремление построить собственный мир изначально базируется на различении знакомого и остального, своего и другого, чужого [9, 19–20].

В цивилизационном контексте важно подчеркнуть, что указание на не свое (чужое) оказывается частью идеологического охранительного жеста, призванного обеспечить незыблемость устоев данной конфигурации социального пространства [9, 31], т.е. социального пространства суверенной Украины.

Для понимания особенностей той цивилизации, к которой принадлежит Украина, принципиальное значение имеет использование идеи о разграничении цивилизаций на классические и пограничные (Я. Г. Шемякин). Действительно, все цивилизации включают самые разнообразные элементы (культурные, этнические и т.п.) и одновременно каждая выступает как целостность, единая во всем многообразии ее составляющих. Однако соотношение единства и многообразия, гомогенности и гетерогенности коренным образом различает

ся в цивилизациях Запада и Востока, которые являются классическими, и в цивилизациях пограничного типа. Если облик первых определяет начало целостности, единое (западнхристианская, южноазиатская индо-буддистская, восточноазиатская конфуцианско-буддистская, исламская), где в основании монолитный религиозно-ценностный фундамент, то специфика «пограничных» цивилизаций в доминанте многообразия над единством, когда религиозно-ценностное основание состоит из нескольких частей, связь между которыми слаба или отсутствует (ибероевропейская, балканская, российско-евразийская и латиноамериканская) [10, 135].

Определяющая черта «пограничных» цивилизаций в сочетании и переплетении основных типов междивизиационного взаимодействия и противостояния, в силу чего эти цивилизации неизбежно включены в решение проблемы диалога культур. Видимо, этим объясняется устремленность со стороны представителей классических цивилизаций отрицать самостоятельное значение «пограничных» цивилизаций и относить их к классическим цивилизациям либо Запада, либо Востока [10, 136–137].

Думается, что Украина в силу своего пограничного положения неизбежно решает проблему диалога культур и потому принадлежит к пограничной цивилизации, именуемой евразийской.

Обращает на себя внимание тот факт, что проблема цивилизационной принадлежности Украины часто рассматривается в призме преодоления тех последствий, которые связаны с советским прошлым. Между тем «аномия» (буквально — беззаконие) возникла в связи с политической нестабильностью в Украине после распада Союза ССР, поскольку в соответствии с социологической теорией аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертоня любое изменение социальной ситуации, связанное с социальной реорганизацией, неизбежно приводит к аномии, когда попираются законы и основополагающие правовые нормы. В Украине показатель аномической деморализованности в первой же год самостоятельного существования охватил более 80 % населения. И хотя в последующие годы аномия снизилась и, по данным последних опросов, около 1/3 населения способны противостоять деморализующим влияниям аномии, феномен деморализованного большинства сохраняется [11, 6–7].

Думается, что продвижение от тотальной аномии периода становления независимости Украины к устойчивому правопорядку гражданского общества не связано с нашим продвижением в западноевропейскую цивилизацию, а означает обретение своей собственной «пограничной» цивилизационной идентичности. На этом фоне вряд ли обоснованы утверждения, что основа культурной правовой традиции Украины формировалась под определяющим влиянием евроатлантической цивилизации и необходимости быстрее вернуться в европейское правовое пространство [12, 129].

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях развертывания процессов глобализации сохраняет значение проблема месторазвития для любого государства, в том числе для Украины. А ее существование в рамках пограничной цивилизации, особенности которой связаны с разнообразием религиозно-

цінностних оснований определяють не тільки специфічну культурну цінність України, но і особливості отечественної правової культури, правового менталітета і правових традицій.

Література

1. Осборн Р. Цивілізація. Нова історія Західного світа. — М.: АСТ: Хранитель, 2008.
2. Моисеева Л. И. История цивилизаций: Курс лекций. — Ростов н/Д: Феникс, 2000.
3. Эйзенштадт Ш. О характере европейской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. — М.: Аспект Пресс, 2001.
4. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Халпінгтона. — М.: Аспект Пресс, 2004.
5. Халпінгтон С. Столкновение цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. — М.: Аспект Пресс, 2001.
6. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива. — М.: Норма, 1998.
7. Савицкий П. Н. Географический обзор России — Евразии // Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. — М.: Норма, 1998.
8. Папарип А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002.
9. Довгополова О. А. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства. — О.: СПД Фридман, 2007.
10. Шемякин Я. Г. Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций) // Общественные науки и современность. — 2008. — № 1.
11. Головаха Е. И., Папица П. В. Постсоветская апомия: особенности выхода из состояния апомической деморализованности в России и Украине // Общественные науки и современность. — 2008. — № 6.
12. Козьбра М. І. Правова система України: вибір орієнтирів подальшого правового розвитку // Міжнародна науково-практична конференція «Ольвійський форум-2008: стратегія України в геополітичному просторі»: Тези. Ялта, Крим, Україна. 5–8 черв. 2008 р. — 2008. — Ч. 1.

УДК 340.12:801.73

В. В. Дудченко

ПРО ГЕРМЕНЕВТИЧНИЙ ПІДХІД ДО ПРАВА

Актуальність обраної теми визначається розміркуванням щодо того, якої методології необхідно додержуватися у правознавстві? Така постановка питання є проблемою встановлення того, з чого складається правова реальність і яким чином можливо її пізнати.

При цьому слід зазначити, що присвоєння та використання знань інших наук відбувається шляхом так званої юридизації пізнавальних засобів інших наук і формування нових юридичних дисциплін на стиці юриспруденції та суміжних наук. Герменевтика, виходячи з цього, активно включається у методологію правознавства.

Означена проблема знайшла своє відображення у працях А. А. Козловського, Ю. М. Оборотова, П. М. Рабіновича. Разом з тим сьогодні існує гостра потреба ще раз, враховуючи багатоманітність герменевтики, висвітлити її своєрідність.

© В. В. Дудченко, 2009